

АКЦЕНТЫ

Татьяна **ЖУКОВСКАЯ**, кандидат исторических наук,
Евгений **РОСТОВЦЕВ**, кандидат исторических наук

ОБРАЗОВАНИЕ В СВОЁМ ОТЕЧЕСТВЕ

Университетская политика Николая I: идеология и прагматика*

Вид на здание двенадцати коллегий и площадь Васильевского острова. Гравюра, акварель. XIX в.

«До 1848 года устройство наших университетов было чисто демократическое. Двери их были открыты всякому, кто мог выдержать экзамен и не был ни крепостным, ни крестьянином, ни уволенным своей общиной. Николай всё это искажил; он ограничил приём студентов, увеличил плату своекоштных и дозволил избавлять от неё только бедных дворян. Всё это принадлежит к ряду безумных мер, которые исчезнут с последним дыханием этого тормоза, попавшегося на русское колесо»¹.

А. И. Герцен

Долгое время в российской и зарубежной литературе по истории образования Николай I оценивался исключительно однозначно как «антигерой», уничтоживший университетскую автономию уставом 1835 года, построивший систему учебных заведений на принципе сословности и ограничивший доступ на её высшие ступени выходцам из непривилегированных сословий, установивший тотальный дисциплинарный

и полицейский надзор за студентами и «идеологические фильтры» в преподавании наук социальных, гуманитарных и естественных. Современная научная интерпретация политики николаевского царствования в отношении университетов со всеми её колебаниями и с объективной оценкой её результатов, которая была бы концептуально единой и внутренне непротиворечивой, — увы! — в развёрнутом виде пока не предложена. Историк, который отважится сделать это, избегая соблазнительных исторических параллелей, должен был бы дать ответ на непростые вопросы. Почему, оказавшись в столь жёстких условиях бюрократического управления, университеты не только не захирели, но преобразились, а университетская наука стремительно догоняла европейскую, причём без практиковавшегося прежде массового импорта профессоров-иностранцев? Почему и в какой момент это поступательное развитие замедлилось и обернулось признанным как современниками, так и историками застоєм и деградацией времён «мрачного семилетия» (1848–1855)?

Какую меру участия в переопределении вектора развития университетов приняли лично император, его министры и бюрократическая элита, а также сама учёная корпорация и внеуниверситетская «общественность», отнюдь не равнодушно взиравшая на успехи и провалы российского просвещения?

Предлагая свою точку зрения на эти вопросы, мы опираемся на документальный материал, имеющий отношение преимущественно к истории столичного, Санкт-Петербургского университета. Представляется, что именно Петербургский университет, расположенный в 300 метрах от Зимнего дворца, более малочисленный и менее укоренённый в городской среде, чем Московский, и не имевший к концу 1820-х годов даже слабых традиций не то что оппозиционности, но корпоративной самостоятельности, воспринимался администраторами просвещения как «образцовая» модель николаевского университета. С одной стороны, в силу своего выгодного географического положения и более разнообразного финансирования он сосредотачивал лучшие научные силы, имел лучшую материальную базу и луч-

*Статья выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение от 07.09.2012 № 8544.

ших студентов, поскольку привлекательность университетского диплома в видах государственной службы стала к концу 1830-х очевидной даже для дворян. Он становился идеальной площадкой для «научного прорыва» в направлении выравнивания с европейскими научными школами. С другой стороны, Петербургский университет, куда в любой день и час мог наведаться не только попечитель, но и сам министр, демонстрировал полную управляемость и чисто визуальную упорядоченность, столь любимую Николаем в любом деле.

ПОИСК «НАЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕЛИ»

Для Николая I университеты, и столичный в особенности, виделись эффективной школой воспроизводства компетентных, «управляемых» чиновников «для разных родов службы» и одновременно политически лояльных молодых людей, в общем, лучших представителей своего поколения, или «новой аристократии», как писал Сергей Семёнович Уваров, главный идеолог царствования и творец университетской реформы. Без этого поколения были немислимы ни успех административных реформ, начатых в 1826 году, ни укрепление социальной опоры власти, на которое была нацелена вся политическая стратегия, обеспеченная удачно найденной тем же Уваровым редакцией государственной идеологии — «православие, самодержавие, народность». Новая элита должна была сочетать образованность, служебный энтузиазм и политическую лояльность, или, как афористично формулировал Уваров, «быть русскими по духу и европейцами по образованию».

В 1800–1810-х годах перенесение готовых форм европейского «классического» университета в Россию носило избирательный и часто декларативный характер. Реформа просвещения Александра I осталась незавершённой. Итоги её после разгромной ревизии Казанского университета (1819) и «дела профессоров» в Петербургском были признаны неудачными. Разные лица — от Д. П. Рунича до самих Александра I и Николая I — признавали необходимость начать всё сначала, разрушая (или не обязательно разрушая) остатки прежней конструкции.

Кадровый голод, нехватка студентов, низкий уровень преподавания, отсутствие чёткой системы управления университетами, непрестижность университетского образования — вот неполный перечень тех проблем, которые предстояло решить. Николай в начале царствования констатировал: нужно, «что-

бы были университеты у нас по делу, а не по одному названию... Профессоры: есть достойные, но их немного, и нет им наследников; ... студенты... так у нас их нет, а называются такими сволочь, шулунов или мальчишек, не только не готовых следовать курсам университетов, но с трудом годящихся в высшие классы гимназий»². В мае 1826 года по распоряжению императора был образован комитет из высших сановников империи, призванный наметить план реформ просвещения. Одновременно началась работа над новым уставом российских университетов, который вступил в действие только через 10 лет. Это были годы поиска и обоснования той самой «национальной модели» университета, необходимость которой констатировали и «губитель просвещения» Рунич, и его оппонент Уваров, и сам император.

Начало нового курса в университетской политике можно связать уже с назначением А. С. Шишкова и особенно с действиями его преемника, первого «никлаевского» министра народного просвещения боевого генерала графа Карла Андреевича Ливена. В основе их лежали прагматизм, поиск рациональных мер по изменению ситуации. Так, с 1828 года была реализована идея специальной подготовки национальных кадров: отобранные в четырёх российских университетах «природные русские студенты» — причём, на их «природном» происхождении лично настоял император — сначала проходили обучение в «профессорском институте» в Дерпте, а затем в заграничных университетах с обязательством впоследствии не менее 12 лет прослужить по учебной части в России. Собственно, эта инициатива и дала России первое поколение русских учёных профессоров — М. С. и С. С. Куторги, А. И. Чивилёва, П. И. Лапшина, А. А. Воскресенского, П. Д. Калмыкова, Т. Н. Грановского, В. С. Печерина, Н. И. Пирогова и других.

С 1828 года в Петербургском университете сложилась особая система подготовки кадров в области законовещения из семинаристов, которая осуществлялась на базе II Отделения собственной его императорского величества канцелярии. Подготовка нового поколения правоведов строилась в согласии с программой М. М. Сперанского, предполагавшей предварительное обучение специально отобранных лучших студентов в столичном университете с одновременным привлечением их к практической работе по кодификации права, которая велась под руководством самого Сперанского, М. А. Балугьянского и некогда изгнанного из университета за вольнодумство

А. П. Куницына. Завершение подготовки профессоров законовещения из этой когорты также происходило в Европе — в Берлинском университете, под руководством основателя исторической школы права Фридриха Савиньи.

Важной мерой, обеспечивавшей приток студентов в российские университеты, стал указ, изданный 18 февраля 1831 года, воспрещавший образование юношей до 18 лет (без высочайшего разрешения) за границей под страхом последующего запрета поступления для них на государственную службу. Он был дополнен указом 9 ноября того же года, предписывавшим, «чтобы впредь в студенты университетов никто не был принимаем, не окончив в гимназиях полного курса положенных наук»³. Таким образом, государство обязало дворян обеспечивать своим детям законченное среднее и высшее образование в своём отечестве.

В 1832 году товарищем (заместителем) министра Ливена становится президент Академии наук Уваров, в марте 1833-го Николай I назначил его министром. Причиной выбора послужило то обстоятельство, что Уваров обладал не только прагматическим, но и стратегическим видением реформы просвещения, в том числе представлял собственную концепцию идеального университета для России, выстроенную с учётом всех ошибок и неудач предшествующего царствования. Он смотрел на университет не только как на «рассадник наук», но как на социальный институт, решающий необходимые задачи «воспитания» всего общества в духе провозглашённой государственной доктрины «православия, самодержавия, народности». Важно и то, что Уваров имел немалый практический опыт администрирования, будучи в 1811–1821 годах попечителем столичного учебного округа, и широкие связи в мире европейской науки.

С нашей точки зрения, Сергей Семёнович адаптировал к российским условиям и историческим перспективам «идею университета», сформулированную в наиболее законченном виде Вильгельмом фон Гумбольдтом, с которым министр, кстати сказать, состоял в переписке ещё в молодые годы. Как известно, Гумбольдт под идеальным для Нового времени университетом понимал тот, где осуществим прежде всего принцип академической свободы или свободы преподавания и обучения. Академическая свобода позволяет профессорам самостоятельно строить содержание своих курсов в рамках заданного предмета, а студентам — свободно выбирать изучаемые дисциплины, при отсутствии

обязательного для всех учебного плана. Вторым принципом «гумбольдтовского университета» был принцип единства преподавания и исследования, требующий от профессора не гелертерского воспроизводства готового знания, а участия в научном процессе, от студента — сотворчества в научном исследовании. Это условие вовлекало в постоянный научный поиск не только профессоров, но и студентов. Из этого следовал третий принцип: именно университеты являются центрами науки, а научная деятельность — главным критерием их полезности и основанием внутренней ротации кадров «учёного сословия»⁴.

Из этих трёх принципов Уваров в 1830-е годы безоговорочно не принимал ни один, но использовал в определённой степени все три. Свобода чтения лекций допускалась при условии подтверждённой учёной степенью квалификации лектора и наличия научных трудов, участие студентов в научных исследованиях поощрялось учреждением премий за медальные сочинения и всевозможных стипендий. Третий принцип был положен в основу масштабной кадровой реформы Уварова, занявшей несколько лет и позволившей обновить почти на две трети состав университетской профессуры, качественно изменив её научный уровень и отношение к преподаванию⁵.

УСПЕХИ «НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА» И КРИЗИС 1848 ГОДА

Устав 1835 года создал твёрдую и единообразную законодательную базу для развития системы университетов империи. Его особенностью было не уничтожение, как писалось советскими историками, а сохранение тех принципов университетского самоуправления, которые обеспечивали повышение научного уровня преподавания и качество студентов. Выборной осталась процедура замещения административных должностей — ректора и деканов. Безусловным благом было освобождение университета от функции цензурирования книг и возложенной на него уставом 1804 года обязанности курировать состояние подведомственных училищ всех уровней, до приходских включительно, которые располагались на территории его округа, и связанной с этим перегрузкой профессуры административными обязанностями.

Ограничивало применение «гумбольдтовских принципов» то, что по своему статусу императорский университет в России того времени был не просто казённым учреждением, но выполнял го-

сударственный заказ. Уваров отдавал себе отчёт и в том, что «академическая свобода» в императорском университете неизбежно ограничивалась штатами, а интеллектуальная конкуренция — долговременным дефицитом людей, способных заместить вакантные кафедры, бюрократическим стилем управления и выстраивания индивидуальных профессорских карьер.

Не устав 1835 года и даже не цензурные ограничения или развитие внутриуниверситетской инспекции, подчинённой попечителю, а практика назначения министерских чиновников, прежде всего попечителей учебных округов, чуждых наукам и плохо понимавших суть университета, и сам их облик становились основным объектом критики в университетской среде. Против «генеральства», оскорбительных для «учёного сословия» окриков, ограниченного кругозора таких ставленников царя, как М. Н. Мусин-Пушкин или Д. Г. Бибилов, киевский попечитель, было направлено недовольство студентов и скрытый ропот профессоров. А в этом персональном подборе как раз и выражалась исходящая от императора идея: университет должен быть управляем, как все другие учреждения империи, командно-административным способом. Лучшими управленцами Николай I считал «отцов-командиров».

И всё-таки основополагающие элементы «идеала», такие как свобода самоуправления и самополнения корпорации, а также постановка научной деятельности в качестве основного условия развития университета, Уваровым были сохранены и развиты в общеуниверситетском уставе 1835 года. Возглавив министерство, он получил наконец возможность не только проектировать, но и строить здание российского университета, сообразуясь как с «гумбольдтовским идеалом», так и с установками «теории официальной народности».

Успехи реформы объяснимы в контексте общегосударственной политики и идеологии и в связи с произошедшей за первую половину века социальной трансформацией русского общества, ещё оставшегося сословным. Важной причиной расцвета университетов в условиях полицейского государства и бюрократических по характеру реформ было соответствие поставленных перед ними задач ожиданиям основной массы студентов, мечтавших о профессиональной службе: не забудем, что около половины студентов дореформенного университета — это юристы, абсолютно востребованные в канцеляриях и департаментах империи. Амбиции профессоров также были удов-

летворены тем, что должность профессора и учёная степень доктора наук соответствовали довольно высокой степени Табели о рангах — VI–VII классам, до 1845 года сообщавшим потомственное дворянство. Учёная карьера по обилию льгот и преимуществ была приравнена к другим отраслям государственной службы, оставляя профессору университета большую перед чиновниками других ведомств свободу распоряжаться своим временем и право на творческую деятельность. Учёному чиновнику были гарантированы не только государственная квартира или квартирные деньги, но систематическая прибавка к жалованию за выслугу, пенсионное обеспечение с возможностью продолжать чтение лекций ещё в течение 5, 10 или 15 лет (по способностям), заграничные командировки с научной целью, отпуска для лечения и улаживания семейных и хозяйственных дел. Университетская корпорация при Уварове стала в национальном, профессиональном и социальном отношениях гораздо более монолитной и ощущала себя таковой.

Однако уже в 1836–1839 годах началась корректировка модели «николаевского университета» в сторону всё большей бюрократизации управления, а также усиления дисциплинарного и идеологического контроля. Тогда издаются, а затем постоянно ужесточаются «Правила для студентов», «Инструкции инспектору студентов» и прочие регламентирующие документы, сокращавшие сферу университетского самоуправления, из которого фактически изымались студенты, и размывавшие единство корпорации. Не профессора, как это было в XVIII и первой трети XIX века, а посторонние университету чиновники, назначаемые попечителем, образовали университетскую инспекцию. Они следили за поведением и определяли репутацию студентов, делали представления, писали отчёты об их настроениях и благонадёжности. Собственно научные успехи и способности молодого человека, которые мог засвидетельствовать профессор в аттестате, перечёркивались фактом — даже не подтверждённым — чтения недозволенной литературы — и под угрозой оказывались карьера и судьба.

В 1847 году был упразднён разряд частных слушателей и ограничен доступ в университет посторонним лицам. Главным регулятором сословного состава студентов была сделана плата за обучение, введённая в 1839-м и постоянно возрастающая.

Невозможность соединения «русскости», в её официальном смысле, с евро-

пейской образованностью, если не понимать под этим исключительно набор профессиональных компетенций и навыков, стала очевидной уже через 10–12 лет после начала университетской реформы, что совпало с общеевропейским политическим кризисом 1848 года и привело к резкому изменению правительственного курса в отношении университетов. Направления, формы и последствия этой реакции достаточно хорошо освещены. Усилился надзор не только за студентами, но и за профессорами, их обязали предоставлять в министерство программы читаемых курсов, удалив из них «всё ненужное и лишнее». Должность ректора перестала быть выборной, а ректор, будучи освобождён от чтения лекций, превратился в главного надзирающего и контролирующего чиновника в университете⁶. В ректорских отчётах появился особый пункт «о духе и направлении» преподавания. Были фактически ликвидированы философские факультеты, а чтение философии заменено чтением логики и психологии, вверенным профессорам богословия. При таких цензурных ограничениях преподавание истории, права, литературы приняло «библиографическое направление». Было свёрнуто преподавание политических наук, философии, истории и права европейских держав. В качестве новой «послеуваровской» идеологической рамки существования науки и литературы воцарились безоговорочная апология режима, изоляционизм и ультрационализм. На фоне новых ограничений и гонений изменился и облик «учёного сословия»: страх, сервилизм, интеллектуальная и нравственная деградация стали естественными спутниками «мрачного семилетия». Кадровые ротации обнаруживали принцип «отрицательного отбора». Вакантные кафедры замещались более слабыми кандидатами или совмещались. Достаточно сравнить программу преподавания в Петербургском университете в 1848/49 и 1854/55 учебных годах, чтобы увидеть, как обеднела номенклатура наук за этот промежуток времени⁷.

Контрреформы были настолько болезненны для структуры университета, поспешны и, в отличие от уваровских реформ, не обеспечены идеологически, что вызвали почти всеобщее, хотя и скрытое, неприятие учёным сословием и студентами тех лет, что отражено в десятках ме-

муаров, а также общественную критику, которая развернулась сразу после смерти Николая I. Эмоциональное и массовое отторжение университетской политики последних лет его царствования легко распространялось на всю николаевскую политику в отношении просвещения, что и позволяло впоследствии рисовать её одними мрачными красками.

В аудиториях, где третьеразрядными учёными читались «усыпительные» лекции, студенты тоскливо ожидали окончания курса и «производства». Столь унылый политический и умственный горизонт не мог не способствовать созреванию, пока подспудному, оппозиционных настроений среди студентов и молодых профессоров. Вот, думается, в чём главная причина того, что «кновая аристократия» по Уварову, выращенная в университетах в 1830–1850-е годы, оказалась отнюдь не лояльной, а оппозиционной и общественно активной: именно из этой среды вышли и либералы-шестидесятники, и идеологи народнического движения — А. М. Скабичевский, М. М. Стасюлевич, К. Д. Кавелин, А. Н. Пыпин, П. Н. Ткачёв, Н. Г. Чернышевский, Д. И. Писарев, Н. А. Добролюбов, А. И. Герцен наконец. Список можно продолжать бесконечно.

С отставкой в 1849 году Уварова, навлекшего гнев царя попыткой защитить университеты от подозрений в неблагонадёжности и сокращения штатов, значительно возросло личное влияние самого Николая I на университетскую политику, на определение масштабов «контрреформ» и рамок административного существования университетов. Именно курс последних лет царствования, на наш взгляд, и характеризует наглядно собственную систему взглядов императора на просвещение вообще, на роль университета в России как утилитарно полезного корпуса кадров и как лаборатории новых технологий. Причём, уповая на возможность средствами военного и высшего специального образования этот необходимый корпус восполнить, император готов был расстаться с университетами в их собственном смысле. Известно, что первой реакцией его на революционные события в Европе было желание вообще ликвидировать университеты как площадки возможного распространения идей «мятежа». Этого не случилось, и всё же рамки «при-

емлемости», оставленные властью для университетов после 1848 года, стали слишком узки, что поставило их на грань гибели: это определение принадлежит вполне лояльному профессору и советнику министра А. В. Никитенко. Достаточно сказать, что в 1854/55 учебном году численность студентов всех университетов была в 2,5 раза меньше чем в 1847/48 году. Специальной инструкцией министерства был запрещён приём студентов: сначала — вообще всех, потом — только своекоштных, пока их число не уменьшится до 300 в каждом университете. Для многочисленных по составу Московского и Петербургского университетов это означало полное прекращение приёма в течение трёх лет.

Противоречия развития «николаевского университета» прямо связаны с тем, что власть изначально поставила перед ними трудноразрешимую задачу — создать европейски образованную элиту, подконтрольную и поставленную на службу интересам самодержавия. Решить поставленную задачу должна была созданная в 1826–1848 годах национальная модель университета. Все прежние опыты в этом направлении были дезавуированы. Воплощение новой модели, законодательной базой которой стал университетский устав 1835 года, как представляется, вполне завершилось в николаевское время. Однако следует признать, что она оказалась далека как от своих европейских прообразов, и прежде всего от утвердившейся в Германии «гумбольдтовской модели» классического университета, так и от меняющейся исторической реальности, в которой университеты существовали. Успехи университетской политики николаевского царствования, связанные прежде всего с личностью Уварова, главного идеолога европеизма, универсализма в политике просвещения, были велики: «учёное сословие» изменилось количественно и качественно. Но успехи эти создали проблему для политического режима: чем многочисленнее и независимее становились университеты, тем опаснее они казались власти. С этим обстоятельством связаны и отставка Уварова, и системные «гонения» на российские университеты последних лет николаевского царствования.

г. Санкт-Петербург

Примечания

1. Герцен А. И. Былое и думы // Собр. соч.: В 30 т. Т. VIII. М. 1956. С. 107.

2. Цит. по: Булгакова Л. А. Особенности системы высшего образования в царствование Николая I // Николаевская Россия: власть и общество. Материалы

круглого стола, посвящённого 80-летию И. В. Пороха. Саратов. 2004. С. 126.

3. Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. Отд. 1. СПб. 1864. Стлб. 336–337;

Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного

просвещения. 1801–1902. СПб. 1902. С. 188.

4. Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М. 2009. С. 504–505.

5. Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 гг.

// Уроки истории — уроки историка. Сб. статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса. СПб. 2012. С. 234–242.

6. Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох. От России крепостной к России капиталистической. М. 1985. С. 44–49.

7. РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 73.